

только волчцы и терния; в переходах по безлюдным степям караванов верблюды могут питаться волчцами, а терния собирают в снопы и употребляют вместо топлива. Тегеран имеет форму квадрата, собой не обширен, не больше какого-нибудь нашего губернского города и на вид некрасив, не видно ни одного огромного здания, кроме дворцовой башни, летней прохлады персидского шаха, которая возвышается над всем городом. Общий колорит Тегерана неприятный для глаз, пепельно-серый от постройки, слепленной из глины или нежжёного кирпича. Кругом обнесён стеной столь же прочной кладки, как и дома; стена претендует на название крепости, а её в иных местах пробьёт ружейная пуля. Со всех четырёх сторон имеется по одним воротам; на пепельно-сером фоне ворота ярко бросаются в глаза своим изяществом. Построены в виде арки с высоким коническим куполом из изразцового кирпича, по сторонам минареты, изукрашены барельефами, узорами и разными изображениями в персидском вкусе. Тегеран не богат садами, не то, что Казвин, и климат не такой благорастворённый, как там. Летом жара непомерная от изменности места. Помещение для миссии близ шахского дворца, в том самом доме, где убит был наш известный Грибоедов¹⁴, бывший посланником при персидском дворе в 1829 году.

Глава 10-я. Семилетнее пребывание при миссии в Тегеране

Приняли меня в миссии как давно желанного гостя. У посланника был сын по одному году ещё не крещённый. Первым моим делом было окрестить маленького язычника; на память об этом событии мне подарен был прекрасный ковёр, шитый цветными шерстями, из букетов и роз, грациозными ручками двух дочерей посланника, который хранится у меня и доселе. Через месяц после приезда, когда я совсем обзавёлся, по привычке и кругом осмотрелся, мне дали серьёзное дело: читать закон Божий двум старшим девочкам и двум мальчикам попеременно.

И сам посланник, и всё его семейство мне чрезвычайно нравились, – такие простые, незаносливые, в обращении ласковые, приветливые; в церковь придут, стоят так благоговейно; дома у себя и утром и вечером молятся неопустительно, а посланник так по два часа простаивает на молитве у себя в кабинете, как мне говорили его приближённые. Зато Бог и благословил это семейство: семеро у них детей и все один другого лучше, и все вскормлены грудью самой матери, а не какой-нибудь кормилицы. Французскому языку и элементарным наукам обучал их швейцарец Гильём, а музыке – немец Гейзе. Артист был этот Гейзе в полном смысле этого слова. На званом обеде с таким пафосом начнёт, бывало, наигрывать, что все заслушаются; голос у него серебристый, гибкий, симпатичный, и играет и вместе аккомпанирует, прелесть что такое. Особенно мне нравилась одна его пьеса, которая уж больно мне приходилась по сердцу; и теперь ещё помню её мотивы. Как бы я ни был уныл и скучен, но если Гейзе заиграет эту пьесу, как что отвалит от сердца, я вдруг делаюсь весел. Знал он страсть мою к этим мотивам и уж непременно сыграет их для меня нарочно. Другой учитель, Гильём, ни слова не знал по-русски, и я не могу сказать об нём ни слова, только, кажется, он был атеист, как я мог догадываться из его разговоров с детьми, которые они мне передавали, и на меня он смотрел не совсем дружелюбно, да Бог с ним, я не имел с ним никакого дела. С другими чиновниками я также близко не сходил. Все они люди равнодушные к вере; для них хоть будь хоть не будь священник – всё равно; очень легко обойдутся и без попа и без церкви, а, пожалуй, и без религии, так уж они воспитаны. Впрочем, для прилики в церковь иногда ходили из уважения к семейству посланника. Все они люди с большим гонором, много о себе думают, на нашего брата смотрят свысока; за счастье должны почитать, если скажут с тобой два-три слова, да и то скажут с презрением, насмешливо, мимоходом. Насколько они были любезны, и предупредительны, и услужливы в отношении к семейству посланника, настолько же горды в отношении ко мне. Не ищи между ними друга и приятеля, с кем бы душу отвести. И я волей-неволей жил особняком, не заводил с ними никакого знакомства. Во избежание скуки и бездействия я начал зани-

маться по-французски. К изучению французского языка я вынужден был самыми обстоятельствами. За столом у посланника всё более говорили по-французски, а на званых обедах так и ни одного слова не услышишь по-русски. Может быть, говорят что-нибудь интересное, или на мой счёт прохаживаются, а я только ем да хлопаю ушами. Пренеловкое положение. Дети посланника так же и с учителями и с чиновниками и между собой всё более по-французски; чужой язык сделался для них как бы родным, а свой чужестранным. Мало того, что французский язык взял решительный перевес над нашим в салонных разговорах, он вломился в нашу дипломатию. Все дипломатические депеши из наших посольств и миссий пишутся непременно по-французски. Чтобы выйти из неловкого положения, я сам налёг на него со всей энергией, занимался по пяти и по шести часов в день. В короткое время я мог уже читать и писать; в книгах понимал много, а в разговоре только отчасти, самую малость. Это оттого, что я начал изучать его теоретически, а не практически, не с живого разговора, а с грамматики. За эту методику взялся я поневоле, потому что не мог найти в Тегеране мало-мальски порядочного учителя. Кто из порядочных людей поедет в такую глушь? Итак, целый год я провозился с этим милым языком, теоретически сделал успехи огромные, а говорить всё-таки не мог и из разговора понимал только немного. Будь у меня порядочный учитель, я теперь знал бы его в совершенстве. Но хоть кой-что стал понимать, так и это много значит: при мне уже нельзя стало прохаживаться на мой счёт. Чиновники миссии настолько были невежливы и нелюбезны ко мне, что вместо того, чтобы хоть словом или сочувствием помочь мне в этом нелёгком деле, они только мешали: если я ошибусь в произношении, они, вместо того, чтобы поправить, сейчас же поднимут на смех. Я смотрел на них с презрением, как на школяров, и опасался говорить при них. К этому присоединилась другая, более важная неприятность. Псаломщики мои подружились с конвойными казаками, начали кутить вместе с ними и заодно выказывать свою удаль. Раз поехали кавалькадой кататься и отваляли нагайкой среди площади какого-то хана, который им не дал дороги; скандал вышел большой. Я стал употреблять строгие меры, зашевелился гонор Кузьменки. Раз напился он пьяный, и кричит, и шумит, и ругается на чём свет стоит, и ломится ко мне в двери. Терпеть долее такого молодца было невозможно, и через три дня его не стало. Миссия дала ему на дорогу и отправила с конвоем обратно в Тифлис. Я остался с одним псаломщиком Яковлевским. Этот был совершенный контраст с Кузьменко: маленького роста, собой невзрачный, смиренный, послушный, почтительный, по службе расторопный, проворный. Одним словом, человек как нельзя более для меня подходящий, если бы только по временам не выпивал лишнюю и не являлся к службе в таком виде. И это всё бы сходило с рук ему, так заболел мой бедняга какою-то странною золотушною болезнью, которая распространялась у него и в руках, и в ногах, и по всему телу, и не давала ему ни ходить, ни сидеть, ни лежать, ни стоять, так что жалостно было смотреть на него. Эти припадки повторялись каждую весну, должно быть, от неосторожного употребления спиртных напитков в таком жарком климате. Наконец он сам стал просить об увольнении, и я не без сожаления должен был расстаться с Яковлевским.

Проскакавши тысячу вёрст верхом, я приехал в Тегеран совершенно здоровым и даже пополнел немного; сделался искусным наездником и получил страсть к верховой езде. В Тегеране был самый удобный случай удовлетворить этой страсти. Все чиновники миссии имеют своих лошадей и разъезжают так важно то по делам службы, то на прогулку. Завёл и я себе двух лихих коней: одного арабской породы за 30 червонцев, масть золотистая с отливом, шея дугой, ступь не простая, с припляской, посмотреть – загляденье, картина, – галопом несётся как вихорь. Другая простой породы сивая лошадь, двадцать червонцев, но чрезвычайно конь крепкий, сильный, выносливый; как зарядит мелкой рысцой, так и бежит целый фарсах и делать ничего не нужно, и так плавно бежит, хоть бы тряхнул. Добрый был конь, весьма я любил его; а с арабским шутить было нельзя: разгорячится, зафыркает, глаза так и искрятся, и пошёл писать.

Если галоп не берёт, прыжки начнёт делать в сторону, или станет как вкопанный, или запляшет, как под жандармом, чтобы сшибить всадника. Вызнал я его ретивый характер, стал ему делать разы за проказы, и сделался мой конь как шёлковый.

Итак, я нескучно проводил время при миссии: было и общество хорошее, было и дело, были и удовольствия. Но я ещё не видел самого шаха. Всё ждал, что посланник представит меня Его Величеству, убежищу мира, но он почему-то счёл это не нужным, а я и рад был, что избавился от этой чести. Предстать пред лице коронованной особы, хотя бы то и персидского шаха, вовсе не безделица: требуется присутствие духа и особенный такт, умение держать себя и сказать слово кстати, обдуманно, рассчитанно весом и мерою, и не проронить ни одного лишнего слова. Положение весьма щекотливое, стоишь как на иголках, того и боишься, как бы не проговориться. А теперь я избавлен от всей этой натянутости, требуемой придворным этикетом, и Богу нашему слава! Шах персидский страстный охотник и отличный стрелок, охота одно из любимейших его занятий. Возьмёт с собой до тысячи человек свиты и несколько штук из любимейших жён и отправляется в горы делать облаву на кабанов, диких коз и оленей, случается попасть и на тигра. Первый выстрел всегда принадлежит шаху и наверняка попадает в цель, редко когда Его Величество промахнётся. Если зверей много, то из окрестных деревень собирают всех поселян поголовно, и они оцепляют известную местность вёрст на пять и более. Если охота удастся, то шах бывает особенно весел и возвращается с охоты с триумфом, как победитель. При особенно счастливой охоте в знак своего благоволения пришлёт и нашему посланнику часть своей добычи – дикую козу или оленя, подстреленного его собственной рукою. В одну из таких экспедиций шаха мы воспользовались его отсутствием и пошли осматривать дворец. И самый Тегеран и дворец построены нынешней Каджорской династией¹⁵, вступившей на престол не более восьмидесяти лет тому назад. Прежней столицей была Испагань; с воцарением Каджоров по династическим причинам они сделали своей резиденцией Тегеран, как ближайший к месту их родового племени и, значит, более опирающийся на сочувствие народа. Шахский дворец обнесён стеною, имеет вид крепости, находится в самом центре города, не менее трёх вёрст имеет в окружности. Прежде всего вы входите в сад, великолепные чинары необыкновенной вышины, стройности и красоты шелестят своими серебристыми листьями, по каменным ломам струятся быстрые потоки, в бассейнах плещутся золотистые и всяких цветов китайские рыбки; цветники из пахучих роз разливают благоухание, на вершинах чинаров заливаются трелями соловьи. Самые дворцовые здания ничем особенно не отличаются, не поражают ни своим величием, ни красотой; дворец построен не в виде одного огромного здания, как повсеместно в Европе, а в виде нескольких отдельных корпусов, сгруппированных без всякой симметрии и сведённых под одну крышу. Прежде всего государственный казначей показал нам богатства персидского двора, остаток прежней беспримерной роскоши Дариев Истаспов и Ксерксов: множество драгоценных камней всякого рода, – из них мне памятен один большой алмаз, который составляет всесветную редкость и стоит будто бы миллионы, – шашки персидских царей, унизанные бриллиантами и самыми дорогими камнями, огромный меч Али¹⁶, зятя Магометова, почитаемого персиянами за святого и за прямого преемника их пророка, разные золотые и серебряные вещи и множество антиков, которых я теперь и не упомяну. Затем осмотрели мы тронную залу; она необширна, мебели никакой, только пол устлан дорогими коврами да по стенам низенькие турецкие диваны; вместо дверей во всех царских покоях тяжёлые занавесы. Зато царский трон отличается особенным изяществом; весь из слоновой кости с золотою отделкою, украшен самою замысловатою резьбою и витиеватыми узорами. Рядом с тронною залою – оружейная палата. Там луки, колчаны со стрелами, дротики, копья, щиты, шишаки, латы, кольчуги, секиры, палаши, тесаки, пищали, фузеи, ружья разных эпох, начиная с самых длинных первобытного устройства. Из других, показанных нам апартаментов мне памятна одна зеркальная комната; и стены и потолок в ней сплошь унизаны зеркалами в

виде мозаики; куда бы вы ни посмотрели, ваша личность со всех сторон представляется вам в тысячах экземпляров.

Любимым местом нашей прогулки в Тегеране был шахский сад Низамие. По временам сам шах приезжает туда на короткое время, пробудет день или два и отправляется куда-нибудь в загородную дачу, а этих дач у него очень много; на одной наскучит – переедет на другую, и так далее, пока не перебивает на всех. В этих поездках шаха сопровождают не менее тысячи человек войска и все любимейшие жёны его гарема, сарбазы¹⁷ разбивают себе палатки и располагаются лагерем около дачи. В Низамие есть прекрасный домик для приезда шаха; стены кругом расписаны портретами в рост искусною кистию персидских художников. На первом плане портрет шаха в самой грозной позе; по сторонам портреты первых министров, начиная с воцарения Каджорской династии, в их высоких тюрбанах и длиннополых парчовых халатах, затем портреты посланников французских, английских, российских. Сад защищён от палящих лучей Ирана густою тенью высоковерхих кужлявых красивых чинаров, каштанов, платанов, весь усажен фруктовыми деревьями, на каждом шагу по аллеям красуются клумбы роз и всяких цветов, посредине огромный бассейн; каждую пятницу сюда собираются персиане, скрестивши под себя ноги, усядутся кругом бассейна и наслаждаются своим любимым кейфом¹⁸, потягивают кальян из своих трёхсаженных чубуков и так приятельски ведут беседу между собой. А мы целой миссией заберёмся в павильон, чтобы отзавтракать здесь на просторе, и повар, и провизия, и напитки давно уже прибыли и готовы к нашим услугам, в ожидании сытного завтрака нагуляемся в саду вдоволь, усядемся за стол по-азиатски в полулежачем положении и угощаемся сколько душе угодно; в каких бы то ни было персидских покоях, кроме полов, устланных коврами, не полагается никакой мебели – ни стола, ни стула, в иных домах встречаются только низенькие диванчики около стен, и то редко. После завтрака кто благодушествует, тот поёт, кто взял с собой инструмент, тот играет, а кто просто отпускает шуточки, прохаживается на счёт других. На другой раз для разнообразия отправимся целой кавалькадой в какой-нибудь загородный сад, не менее прекрасный, Рустем-абад или Каджоры, в ближайшую от Тегерана шахскую дачу. Эти прогулки по садам бывали или весной, или осенью; а летом в Тегеране жара непомерная, и мы ежегодно в последних числах апреля переезжали на дачу в Зергенде и оставались там до октября. Дача наша в десяти верстах от Тегерана, стоит гораздо выше его, при подошве гор, и воздух значительно прохладнее. Там выстроен большой дом для семейства посланника, для приёма дипломатического корпуса и общего собрания миссии, кругом разведён сад, умеряющий невыносимый зной лета; в саду там и сям виднеются белые домики для чинов миссии, смотря по их рангу; перед каждым домиком устроен бассейн, где желающие могут купаться и стряхивать с себя апатию, неизбежную при невыносимой жаре. К вечеру редко кто остаётся дома, все, кто пешком, кто верхом рассыпаются в разные стороны сделать моцион пред обедом. Посланник обыкновенно ездит гулять в коляске с семейством по шоссе к стороне Тегерана, с казачьим конвоем, а чиновники или сопровождают его колесницу, или направляются в соседнее с дачей большое селение Гуляген, поглощённое садами и растянувшееся версты на три при подошве Шимранских гор, или обогнут кругом соседний кряж гор в окружности вёрст пять, или просто ударятся в галоп по степям и равнинам, куда уж ни попало. Любил и я это удовольствие, редкий день что не выезжал на своём аргамеке, а потом мне наскучила эта забава, да и дорого было содержать конюха и двух лошадей. За чиновниками мне трудно было тянуться: не говоря уже о том, что мой оклад триста червонцев далеко не равнялся с их окладами, они сверх того в летние месяцы целых полгода получали добавочное содержание, так называемые лагерные деньги, по 1 червонцу в день, а мне лагерных не давали, да и похлопотать об этом в министерстве не соглашались. Волей-неволей я должен был продать своих любимых лошадок, а на прогулку стал ходить пешечком: оно и полезнее, и дешевле. Первое лето по приезде в Тегеран от непривычной жары я целый месяц страдал бессонницей; целую ночь

проворочаешься с боку на бок и ни на волос не можешь уснуть. Исхудал и изнемог я чрезвычайно; посланник видит, что я чем-то страдаю, и по своей доброте предложил мне прогуляться в горы, чтобы рассеяться немного и изменить образ жизни для прекращения бессонницы. Это средство подействовало как нельзя лучше. Дали мне одного гуляма¹⁹, взял я с собой псаломщика и конюха, и вчетвером мы отправились в одно селение, высоко стоящее в лощине горного хребта Шимранского. Местность довольно красивая; вся лощина поросла мелким леском, чрез неё со скалы на скалу скачет быстрый ручей. По склону широкого дефиле у самого перевала через горный хребет живописно раскинута персидская деревня Овча; температура заметно свежее, чем там, внизу, в знойных степях. Для приезжающих есть довольно приличный конак. Пробывли мы там суток двое и бессонницы у меня как не бывало. Сделали перевал на ту сторону Шимранских гор; там те же голые горы и горы без конца, идущие до самой прикаспийской провинции Мазендерана, изредка пересекаемые столь же бесплодными долинами и ущелиями. В одной из таких долин повстречалась нам опять деревня персидская; у самого селения протекает быстрая довольно глубокая речка, вероятно, есть в ней и рыба. Понравилась нам местность, разбили мы походные палатки на берегу речки и расположились лагерем. Я занялся купанием и прогулкой, а мои искусные рыболовы псаломщик и конюх наловили много форели; и ухи и рыбы у нас было вволю. Пошёл я побродить по селению и посмотреть, как живут персиане. Лачужки у них бедные, неопрятные, жалкие; не людям бы жить в них, а животным, примерно, свиньям, да и те бы, пожалуй, обиделись; наши малороссийские мазанки роскошь в сравнении с этими саклями. Каковы жилища, таковы и жители. Поселяне вообще народ грязный, все какие-то оборванцы, в лохмотьях, на вид изнурённые, испытые, малосильные, должно быть, от дурной пищи и непомерных трудов. Они владеют землёй исполу, земля принадлежит не им, а помещикам, разным ханам, мирзам и султанам. Работает поселянин сломя голову, а зарабатывает мало: половину надобно отдать помещику. Есть много селений, принадлежащих собственно шаху, по дороге встречали мы и такие; они сравнительно лучше и народ в них как будто зажиточнее. Цель нашей поездки было селение Шагристан, лежащее как раз против нашей дачи по ту сторону хребта Шимранского; по прямой линии не более пяти вёрст расстояния. Через горный перевал мы в два часа могли бы попасть туда, но нам хотелось повояжировать, и мы сделали лишних восемьдесят вёрст, огибая горный хребет. Шагристан стоит в котловине, с трёх сторон окружён высокими горами, с западной стороны расширенное дефиле²⁰, поросшее кустарником, тянется версты на две. С левой стороны между скалами страшно шумит бурливая река Сифидрут²¹, с бешенством прорывается на долину, расширяет своё русло и уносит в своём течении всё что ни попало; целые деревья с корнями вырывает, по местам образует широкие заливы и, несмотря на её быстрину, в ней множество рыбы, нежной и вкусной форели, особенно в этих заливах. Форель эта далеко не так крупна, как в Гокченском озере, но на вкус мне показалось приятнее той. Расположились мы бивуаком в прибережном кустарнике, мои рыболовы сейчас же на промысел и живо на уху натащали, а я от нечего делать стал плескаться в заливах. Это было 6-го августа, но жара ещё такая была, что пот с нас лил градом и рубашки были мокры. Пробывши день целый на Сифидруте, с богатым запасом форели опять в Шагристан мы вернулись и наняли себе квартиру с маленьким садиком в доме одного поселянина; целую половину своей сакли уступил нам на целую неделю. Это ничто иное, как исключение из общего правила, редкость, которой мы не ожидали. Мусульманский фанатизм хотя, видимо, слабеет с каждым годом как в Турции, так и в Персии, потому что самая вера в пророка заметно слабеет, но всё ещё он довольно силен, чтобы уступить половину дома гяуру, как они нас называют, и жить с ним под одною крышей. В Турции европейцы уже могут свободно входить в мечети и рассматривать сколько угодно, а в Персии это пока ещё немисливо, ни один европеец не может безнаказанно проникнуть в мечеть. Целую неделю прогостили мы в Шагристане и каждый день рыбы было у нас вволю; то мои

подчинённые удочкой наловят, то принесут нам за деньги персиане. В одном только был недостаток – с ухой не было ничего спиртуозного. У персиан этим не разживёшься, не выдělывают и не имеют они ни вина, ни водки, им строго запрещено законом; а у нас вышло то и другое. К счастью, мой нукер²² был человек догадливый, сберёг одну бутылку водки, и я довольствовался ею всю неделю. Каждый день я делал прогулки, лазил по крутизнам, рассматривал виды и ничего не нашёл живописного, после Кахетии мало меня интересовали здешние виды с их голою опалённою местностью. Раз прохожу я по селению и слышу шумный говор детских голосов, смотрю, на крытой галерее сидит на корточках толпа персидских мальчиков человек тридцать или сорок. Все уткнули нос в книгу и громко нараспев иные читком читают, иные складывают, – кто во что гаразд. А учитель с длинной-предлинной хворостиной, чтобы можно было достать всех и каждого, сидит в углу и командует над мальчуганами; остро ухо держит; кто ошибётся, того прихлопнет хворостиною и поправит, мальчуган востепенится и опять уткнёт нос в книгу. Это персидская школа, медресе; а этот учитель есть вместе и мулла, а эта крытая галерея служит и сельскою школою и мечетью, где по пятницам совершается их богослужение. Обратнo в Зергенде мы вернулись кратчайшим путём, перевалив через Шимранские горы. На самой вершине мы видели глетчеры, или вечные ледники, которые никогда не тают. Можете себе представить, как это высоко должно быть над уровнем моря. Тогда как внизу жара непомерная, пот градом льёт, здесь, на высоте хребта Шимранского температура холодная, ветер пронзительный, продрогли мы в летних одеждах. Благодаря этим глетчерам в Тегеране целое лето не выводится лёд и продаётся ни по чём. Весной навьючивают его на мулов и вывозят целыми караванами, складывают в огромные подземелья и торгуют им как товаром. Все тяжести в Персии перевозятся на мулах или на верблюдах, а не гужом; экипажной езды не существует, ибо не существует колёсных дорог, а только караванные, большею частию узкие, гористые, каменистые. В каретах можно ездить только в самом Тегеране от шахского дворца до заставы, – улица довольно красивая и широкая, обстроенная домами европейской архитектуры, – да кругом города около рва крепостного. От заставы к Шимранским горам до нашей дачи вёрст десять проложено шоссе, да такое же шоссе проведено в Шабдулвазин, большое селение в 7 верстах от Тегерана. Это селение славится гробницею Фатимы, дочери Магомета²³, находящеюся в здешней мечети. Множество богомольцев из Тегерана, особенно женщин, ездит на поклонение этой гробнице. В мое время ходили дилижансы, а теперь, говорят, устроена железная дорога. Вот и вся недолга – экипажная езда в Персии. Кареты имеются только при дворе для шахского гарема, а сам шах никогда-никогда не ездит в карете, а только верхом. Захочется шахским жёнам проветриться, соскучится им вечно сидеть взаперти, с разрешения шаха подадут им карет десять, а то и более, усядутся они по несколько штук в своих синих саванах и кисейных покрывалах и целым поездом разгуливают по городу и его окрестностям. И сзади, и спереди, и по сторонам их сопровождают эвнухи, самые что ни есть сорвиголовы, на своих столь же борзых аргамаках. В этот раз не попадайся им никто, кто бы ты ни был, а вороти скорее в сторону и улепётывай что есть духу, а то наскочат на тебя эти чёрные как уголь эфиопы и начнут огревать нагайками. Кто бы ни попался, все сторонятся и дают им дорогу, на что уж посланники европейские, и те в этом случае должны умалить свой гонор и посторониться или своротить на другую дорогу. Имел я несчастье при переезде с дачи в Тегеран попасть на этот поезд, и теперь мне памятен этот случай. Лошадей своих я только что продал, казённой мне не дали на конюшне. Пешком идти было стыдно, нанял я себе ослика и смиренным образом воссел на отца невежества. Это бы не беда, ездить на ослах здесь не почитается за стыд; все персианки иначе и не ездят, как на этих глупеньких животных или на мулах, а многие и из мужчин не брезгают отцами невежества и преотлично на них улепётывают не хуже всякой лошади, выходит только немного смешно: седок большой, а конь маленький, ноги почти что касаются земли. Так вот что скверно: осёл попался мне с норовом, упрямый-преупрямый,

хоть что хочешь – ни за что не прибавит ступи и не побежит, а я был первоучка, не знал сноровки, как подействовать на отца невежества. Дал я ослу полную волю, как он хочет, ни шатко ни валко подъезжаю к самому Тегерану, как на беду, мчится навстречу поезд с шахским гаремом, я скорее в сторону, осёл не повинуется, я его зонтиком – и ухом не ведёт. Кое-как удалось мне двинуть его через канаву, дальше не идёт, да и только. Поезд уже поравнялся со мною, стрикулисты²⁴ эвнухи в один голос кричат, чтобы взял я подальше, ошалел мой осёл и ни с места; налетел один сорванец и топчется надо мной, и воюет, и кричит, и грозит нагайкой. Потеряй я присутствие духа, вероятно, мне досталось бы от этого негодяя; но я собрал всё своё мужество, зонтик у меня был с железною палкой. Стал я в оборонительную позицию и погрозил ему зонтиком и тем осадил своего противника мурина²⁵. Сробеть не сробел я, но стыдно мне было жён шахских, поезд приостановился, и все они открыли свои вуали и смотрят, как мы воюем. Сколько мог я заметить из беглого взгляда, из них есть много красавиц, с нежными милovidными глазками, а есть и пожилые, совсем уж отцветшие, ничем не интересные. Стрикулист пришпорил коня и умчался, тем и кончилась сцена, осёл выстоял на своём, поле битвы осталось за мной. Но ещё не конец приключениям; подъезжаю к посольству, в узкой улице встречается другой такой же гаремный поезд. Разъехаться было негде; так меня прижали к стене, что зонтик мой застрял в колесе и сломался. Тут я струхнул немного; но видят, что русский священник, и никто ничего мне не сделал. В этом же году в январе месяце удалось мне видеть придворное празднество. Шах выдавал свою дочь за сына одного министра. В самый день свадьбы весь дипломатический корпус был приглашён во дворец. На дворцовой площади стоял целый полк сарбазов, тамаша²⁶ происходила ночью, у всех сарбазов вместо штыков в дула воткнуты были зажженные свечи; горело множество факелов; на заднем плане торчала целая батарея орудий, оркестры военной музыки с европейскими инструкторами наигрывали разные марши. Для пущей важности под невесту подведён был огромной величины слон; изукрашен он был яркою попоною, унизанною золотом и дорогими камнями; а поверх его для брачного кортежа устроена была большая круглая ложа, обитая малиновым бархатом. Слон, видимо, озадачен был небывалою сценою, не мог понять, что бы такое значило, и переминался с ноги на ногу. Я того и ждал, что вот-вот он заколыхается, ударится по двору и начнёт топтать мелюзгу, которая наполняла площадь. Но, слава Богу, ничего подобного не случилось. При всей своей громадности и силе слон смирен и умён как никакое животное. Долго музыка наигрывала свои марши, часа два прошло в ожидании невесты, она не показывалась. Наконец в самую полночь подан был сигнал; невеста показалась, убранная в шелка и жемчуга, с лицом закрытым; её сопровождали несколько ханым²⁷, вероятно, первейшие жёны шаха. Сейчас же грянули орудия и палили без умолка; оркестры заглушали гром орудий; жених уже сидел в ложе; отец жениха подхватил невесту и живо посадил её на слона; когда все уселись, эта громадная ходячая масса двинулась, неся на раменах своих, кроме жениха и невесты, целый свадебный кортеж. Дом жениха от дворца был неблизко, нужно было проехать несколько улиц, мерно и чинно выступал слон по улицам Тегерана, и народ, и войско с зажжёнными свечами и факелами сопровождали процессию, музыка не умолкала, взамен дворцовой батареи на городской площади загремели орудия, когда поезд поравнялся с нею. И перед домом жениха долго ещё толпился народ, разливалось яркое освещение и играла музыка, но я туда уже не ездил, довольно было и того, что было видно и слышано. Слона, игравшего такую важную роль в этой тамаше, не один раз приводили к нам в миссию, и мы имели случай всмотреться в него поближе. Его показывали как редкость и заставляли выделять разные штуки. Хоботом своим он может действовать со страшною силою, и он же служит ему вместо рук. Какую угодно вещь он может поднять с земли своим хоботом. Принесут ему целый батман²⁸ печёного хлеба, обовьёт его концом хобота, поднесёт ко рту и в один миг проглотит; бросят яблок или апельсин – не торопясь подхватит, и в рот. Хобот у слона до такой степени эластичен, что он может

взять им самомалейшую вещь, хотя бы даже иголку. Внутри он цилиндрический; чтобы напиться слону, прежде он вбирает воду в свой хобот, который имеет большую растяжимость и может вместить целую массу воды; потом сгибает его кольцом, подносит ко рту и льёт туда, как в сороковую бочку, лишь булькотня стоит в горле. Хобот свой он может закидывать на спину; им снимает и поднимает своего возницу как пёрышко. У нас на дворе стояло несколько дюжих чинаров; согласились мы пожертвовать одним из них, чтобы испытать силу слона. По знаку возницы подошёл он к дереву, попробовал его своим хоботом, может ли рассчитывать на успех, чтобы не посрамиться пред публикой. Вероятно, пришёл к благоприятному заключению, отступил назад шагов двадцать, потом скорым маршем пошёл к дереву и торнул его своей махиной, дерево так и покачнулось, ещё толчок – совсем наклонилось и с корнями и с огромной глыбой земли; наконец, совсем рухнуло на землю. Слон был в ударе, видимо, доволен был своим атлетическим подвигом. Все эти события происходили в бытность в Тегеране семейства посланника между 65 и 66-ым годами. Весной 65 года скончалась у них малолетняя дочь Елена. Тяжела была для них эта потеря, не залюбили они Тегерана и стали думать об отъезде в Петербург. Кончилось тем, что в первых числах апреля 66-го года они выехали из Тегерана, семейство совсем, а посланник взял себе полугодичный отпуск. Миссия наша опустела, лишившись этой милой, любезной семьи, которая всем доставляла столько радости одним своим лицезрением. Нет уж той жизни, той энергии, которая прежде всех воодушевляла. У меня дела стало меньше, а скуки больше; отпала у меня охота и к французскому языку, теперь он утратил для меня свою цену, не было цели для его изучения; гости у нас бывали редко, говорить было не с кем. У членов миссии дела было довольно. У нас в то время производилась постройка огромного здания для миссии. Прежнее помещение близ шахского дворца нанималось от персидского правительства за большие деньги, во многих отношениях было неудобно, а ежегодный ремонт стоил очень дорого. По всем этим причинам Николай Карлович стал хлопотать о постройке нового дома для миссии. Министерство ассигновало на этот предмет до шестидесяти тысяч, а шах пожаловал самое лучшее место в городе. Работа продолжалась целых два года; воздвигнуто громадное здание, небывалое не только в Тегеране, но и во всей Персии, затмившее собою и самый шахский дворец, так что англичанам стало завидно, и они купили себе место и начали строиться.

С удалением семейства посланника от нечего делать я стал заниматься с казаками. Вместо донских казаков для конвоя нам присланы были линейные. Двое из них оказались раскольниками и один магометанин из осетин. Я начал вести с ними беседы о вере, и месяца через два один из раскольников, более толковый и начитанный, почти что готов был к принятию православия, но в это самое время его перевели из миссии в консульство приморского города Решта и дело не состоялось. Но полемические беседы не остались совершенно бесплодными. Когда мы состязались о вере, и я на каждом шагу разбивал своих противников, магометанин, не чувствуя себя способным, не принимал никакого участия в прениях и как будто холодно относился к делу. А между тем он держал ухо востро и всё, что было говорено, мотал себе на ус. Во глубине души его незаметно росло убеждение, что религия, в которой он родился, фальшивая, не имеет за собой божественного авторитета, принадлежит к разряду человеческих произведений, а основатель её не что иное, как самозванец, непризванный провозвестник воли небес, увлекшийся славой пророка шарлатан, обманщик, что истинно и непреложно одно только православие, его-то и надобно принять не обинуясь, чтобы быть по всему русским и душой и телом. Такие мысли долго бороли его, но он мне не объявлял о том, и я потерял его из виду. В один прекрасный день сам приходит ко мне и изъявляет желание принять христианство. Я окончательно утвердил его в вере и стал готовить ко крещению. Между тем посланник возвратился из отпуска, и прозелит²⁹ мой стал просить его быть восприёмным отцем от купели. Итак, я имел счастье обратить одного магометанина и просветить его святым крещением. Впрочем, этому обращению много

помогло одно обстоятельство. Казак долго молился, чтобы Бог вразумил его, которая вера правая. В их станице ему нравилась одна девица, которая соглашалась выйти за него замуж, если он сделается христианином. Но отец его, большой фанатик, и слышать не хотел, чтобы сын его женился на христианке и сам сделался христианином. А тут ни с того ни с сего присылает ему письмо, что он волен поступить насчёт веры, как ему заблагорассудится, и вступить в брак со своей возлюбленной и что он помолвил уже их заочно. По случаю крещения восприёмным отцем задан был великолепный обед и чинам миссии и казачьей команде. Это был у нас семейный праздник, на котором все радовались и веселились, и пели, и пили, и танцевали. Но этому радостному событию предшествовала ужасная катастрофа, какой не запомнят в Тегеране. Это было 23 апреля 1867 года. Мы только что переезжали из города на дачу. И посланник и чиновники были уже в Зергенде; в городе оставался я один, и багаж мой, и церковь походная, и псаломщики были уже отправлены. В этот раз почему-то мне никак не хотелось переезжать вместе с другими, было какое-то предчувствие. Вдруг получаю известие, что в эту самую ночь в Зергенде от сильного дождя обрушился потолок в моём домике. Удивляться надобно, как промысл Божий премудро печётся об нас! Переедь я днём раньше, я непременно сделался бы жертвой этого приключения, потолок обрушился бы на меня, когда я спал, и раздавил бы как червяка. Прах мой покоился бы теперь в Ванеке или на Армянском кладбище. Но вся катастрофа ещё впереди. Переезжать мне было не на чем, все лошади были забраны. Нанял я себе ослика и отправился в сопровождении одного гуляма. Осёл по обыкновению попался упрямый-преупрямый, ступить не ступит. Лучше, думаю, не иметь никакого дела с отцом невежества, слез с осла и отдал его гуляму, а сам пошёл пешком. При выезде из Тегерана погода была прекрасная, не успели мы сделать и трёх вёрст, как со стороны Шимранских гор заходили облака, небо покрылось тучею, омрачился весь горизонт, заблестали молнии, загремели громы – страшные раскаты так и раздражались над головой. Полился сильный дождь и лил как из ведра целых пять часов непрерывно. Всё это обрушилось на мою голову в половине дороги; промок я до ниточки и продрог до костей. Канавы вдруг сделались речками и выступили из берегов, подземные водопроводы, проведённые с гор, шумели со страшною силою, целые брёвна несло нам навстречу потоками. С великим трудом кое-как добрались мы до Давуды. Так называется одна прекрасная дача, принадлежащая некоему персидскому вельможе по имени Давуд, в двух верстах от Зергенде, между нашей дачей и городом. Сейчас же развели нам огонь и обсушили и обогрели, а дождь всё лил и лил без конца. Попасть в Зергенде не было никакой возможности, перед нами разыгрывался настоящий потоп. Наша дача расположена на берегу речки, которая в летнее время совсем пересыхает, а во время периодических дождей весной и осенью шумит и бурлит не хуже Терека. Теперь, когда этим потопным ливнем размыло льды и снега на соседних горах, и всё это вместе обрушилось на долину, нашей безымянной речки узнать было нельзя, она сделалась всесокрушающей рекой, выступила из берегов и с бешенством ниспровергала всё, что ей ни попадалось. Со страшною силой ворочала громадные камни, с корнем вырывала деревья, ломала и ворочала брёвна, подмывала ограды, опустошала сады, разрушала хижины, уносила людей. Шум и рёв от яростных порывов воды, грохот от ворочанья огромных камней производили неописанный гвалт, приводили в трепет. Через речку у нас был построен крепкий каменный мост из цельного камня. Долго противостоял он яростным натискам нахлынувшей массы воды, наконец, пред всесокрушающей силой не мог устоять, рухнул, и разрушение его было велико – навело неописанный страх на миссию. И посланник, и чиновники потеряли головы, не знали, что делать. Повыше этой речки другой горный поток устремлялся прямо на миссию, мой домик стоял выше всех и пострадал первый, затем дом секретаря, а потом и вся миссия кругом очутилась в воде, квартира младшего секретаря, стоявшая ниже всех, уже до половины была затоплена, дом посланника был также в опасности, вода добиралась уже до церкви, поднялась на целый аршин, того и ждали, что вот-вот рухнет. И

канцелярия и касса были вынесены. Конюшни, стоявшие ниже миссии по ту сторону реки, застигнуты были врасплох, вдруг очутились кругом в озере, из конюхов кто успел – убежал, а иные взлезли на деревья и там отсиживались; лошадей бросили на произвол судьбы, не до них было, а до себя. Над нашею дачею высится крутая гора, посланник и чиновники забрались на самый верх горы и ждут там конца катастрофы со страхом и трепетом. Я всё время катастрофы отсиживался в Давуде и сильно беспокоился – все ли у нас живы в миссии, не потонул ли кто из людей, не разрушены ли наши дома. К 6 часам вечера рёв от бушующих потоков стал не так силен, вода начала сбывать, и дождик стал меньше. Приезжаю в Зергенде, кое-как добираюсь до конюшен весь до ниточки мокрый; обсушили, обогрели и переодели меня там. К величайшему моему удовольствию узнаю, что потонуть никто не потонул и дома все устояли, кроме одного моего, – которому туда и дорога, больно плох и был, – а только вещей много унесло и подмыло, и попортило. Гинь, говорю, живот, а не гинь голова: вещи наживное дело. Теперь вопрос, как попасть за реку: мост разрушило, а безымянная речка вступила уже в свои берега, но ещё страшно шумела и бушевала, подступиться к ней было нельзя. В свою очередь увидели меня посланник и чиновники миссии и весьма обрадовались, что я жив, а они думали, что я уже погиб в волнах потопных. Стоят на берегу и кричат и машут руками, спрашивают меня, здоров ли я, что со мной случилось. За яростным шумом речки ничего не было слышно; я написал им письмо, привязал к камню и перебросил на ту сторону. Они мне отвечают таким же манером и спрашивают: не найду ли я возможным попасть к ним как-нибудь. Не много думая, один из линейных казаков, великан и силач и смельчак необыкновенный, подхватил меня как ребёнка и понёс через бушующий поток, все только руками всплеснули и прокричали ему “браво”. Фамилия его Данильченко. На конюшне казаки сняли с меня всё моё платье, дали мне своё бельё и одели меня шубой. В таком виде я и явился в миссию. Там давно меня ждали к обеду; мне совестно было показаться таким чудачком. Ничего, говорят, хотя бы вы были в адамовом костюме, только бы живы и здоровы, теперь не до приличий.

Постройка нового дома приходила к концу, помещение для церкви и моей квартиры вчерне уже было готово, надобно было подумать о церкви. Для иконостаса и церковной утвари необходимо было съездить в Москву, и мне дали отпуск на четыре месяца.

Это было в 1867 году. Из отпуска возвращался я при самых неблагоприятных обстоятельствах. Из Тегерана совсем уезжал Николай Карлович в Петербург лечиться, и мы повстречались с ним на Каспийском море, а в Персии с наступлением осени открывалась холера, и с тех пор четыре года кряду появлялась в урочное время и вырывала множество жертв из среды живых, в ужасных страданиях. Тяжело и грустно мне было возвращаться к своему посту. Ездил я по церковной надобности, а ничего мне не дали на дорогу, издержал своих двести червонцев. На всякий случай отпустили мне из экстраординарных сумм восемьдесят червонцев на церковные надобности, но и те я экономничал, возвратил назад, и хоть бы мне спасибо сказали за это. Такой поступок со стороны миссии, конечно, нельзя назвать деликатным. Зато, как только возвратился я в Тегеран, мне сейчас же преподнесли наперсный крест из Святейшего Синода, пожалованный мне по ходатайству посланника. Миссийский дом в Тегеране вчерне уже был готов, и мы с дачи прямо переехали на новоселье. От нечего делать я занялся языком персидским без всякой практической цели, а просто из любви к искусству, и увлёкся им так же, как и французским. Много учителей перепробовал, но все оказались из рук вон плохи. Много было потрачено и труда, и денег, и времени, а польза самая маленькая, говорить ни с кем не приходилось, да и не мог говорить свободно, дело имел больше с книгами, а не с живыми людьми. Обращать персиан в христианство ещё не пришла пора, ни наше, ни персидское правительство не позволит, можно поплатиться жизнью. Правда, не без успеха действуют здесь католические и протестантские миссионеры, но они действуют только на окраинах, в Испагани и в Урмии, и притом крайне осторожно, уловляют в католичество или протестантство только армян или несториан-халдеев, не

касаюсь магометан. Провозился я целый год с языком фарсийским³⁰, но и с ним попрощался: на какую мне утварь, только изнуряет моё здоровье. А тут смотришь, приехали к нам в миссию две хорошеньких дамы, в 68 году в августе месяце. Тут уж было не до учёных занятий, жизнь пошла совсем иначе, все мы зажили не умом, а сердцем, все перелюблились, а началось с меня, раба Божия. Приехал к нам на службу доктор Базилевский с молодой женой и со свояченицей, девушкой лет осемнадцати. На первых же порах мне понравилась эта барышня. С собой невеличка, но такая умная, да скромная, да красивая, характер у ней – так это воплощённая кротость, взглянет – так это просто прелесть, во всех приёмах и поступках удивительно как много женственности! Что это за милое создание, можно ли не любить таких созданий! На любовь она стала отвечать любовью, и скоро мы сделались друг к другу равнодушны. И вот вам новый роман. Как можно чаще мы стали видаться: и ей бывало скучно без меня, и мне без неё, а сойдёмся, так не можем насмотреться друг на друга; приду к ним – вдруг повеселеет. Хожу я взад и вперёд по аллее, а она смотрит в окошечко. Под вечер пойду я в сад прогуляться, а она уж давно заметила, сейчас же подхватит свою малютку племянницу и тоже в сад ко мне навстречу. И наговоримся мы и насмотримся без свидетелей, и ещё более крепнут наши сердечные узы. И так-то нам хорошо наедине, так весело, такая приятная теплота на сердце теплится, по всему существу разливается. Со дня на день наша любовь приходит от силы в силу, не открыли мы друг в друге никаких недостатков, а одни совершенства. Наши домики были рядом на отставе. Вот уж она и ко мне стала захаживать со своей Сашенькой и посидит таково долгонько. От поэтической обстановки вдруг у меня зашевелилась поэзия, стал я пописывать стишки и читать ей, моей возлюбленной. Читал, правда, при всех, но предмет моих сердечных дум была она, и делалось и говорилось всё для ней одной. Самый дар слова у меня заметно улучшился. Прежде я был вял и неразвязан на словах; начну какую-нибудь рацею, да и не могу привести её к желаемому концу. А тут откуда что взялось: и живость, и энергия, и умение держать себя с достоинством, человек видимо стал развиваться. Чиновники смотрят и удивляются, что за метаморфоз произошёл с нашим батюшкой, да и сам я дивлюсь своей элоквенции³¹. Прежде двух-трёх слов не умел связать, как следует, а тут целые тирады сыплются без запинки, ораторствует как Демосфен. Впрочем, наша любовь ни для кого не была тайной, и меня только поздравляли с огромными успехами на поприще романистики.

Бог весть, чем бы кончилась наша любовь, по всей вероятности, добром бы не кончилась, а дошла бы до Геркулесовских столбов³², до *plus ultra*³³. Так надобно же было случиться одному горестному событию, которое и любовь нашу привело к печальной развязке. Доктор Базилевский через неделю по приезде в Тегеран заболел лихорадкою, которая вскоре приняла у него опасный характер и перешла в горячку. Человек он был тучный, полный, сырой; со дня на день делалось ему хуже. Но доктор, который лечил его, скрывал от всех истину, всё обнадеживал до последней минуты, никто не ожидал конца плачевного, а смерть была уже за плечами. А наша беззаботная любовь шла всё *crescendo*³⁴. Накануне самой кончины, когда предполагалось дать решительное средство и должен был произойти решительный кризис на живот или смерть, мы питали друг к другу такую горячность и нежность, за которой любовь уже переходит в практику, начинаются любовные свидания, поцелуи, объятия. Больной переведён был в другой дом, попросторнее, а дамы оставались рядом со мной, в ближайшем соседстве, жена доктора часто уходила к больному, оставалась почти неотлучно при нём, а предмет моей любви был подле меня за двумя только стенами. Ей скучно было одной, она дала уже слово придти ко мне ночью и ждать, чем кончится дело. Надела свой прелестный бурнусик³⁵ и так хороша была в этот вечер, что и сказать не умею. Но тут-то и конец роману. Только бы ей пойти ко мне, как в этот самый момент присылают за мной напутствовать больного. Но уже было поздно, с ним началась агония, и минут через десять он Богу душу отдал. Начались плач и рыдания и вопль мног. Горько плакала бедная Анна Богдановна по мужу своему и не хотела утешиться, потому

что его уже нет; сердце разрывалось от горести при виде этих терзаний, этих жалостных воплей. В ту же минуту весть дошла и до сестры её. Удар был тем сильнее, что никто не ожидал его. Прихожу к ним на квартиру, а моя героиня держит на руках маленькую Сашу, и обе горько плачут. Малышка протягивает ко мне ручонки и зовёт к себе, чтобы им не так было страшно. Расплакался и я, глядя на эту сцену. Расцеловал бедную девочку, а подруги сердца моего, как ни порывался, поцеловать не посмел, не решился; удобный был к тому случай, но не такие были минуты. Она только проговорила мне таким милым неподражаемым акцентом: “Батюшка, молитесь за нас”. С этим словом вдруг у ней иссяк источник слёз, и самая любовь как будто несколько охладела между нами, не до любви теперь было. Жаль мне было чрезвычайно Анны Богдановны, приехавшей за такую даль как будто бы для того только, чтобы схоронить своего мужа, да потом и назад. Стал я принимать горячее участие в их судьбе. Был уже сентябрь месяц; мне хотелось, по крайней мере, чтобы они пожилы у нас, перезимовали, а между тем и судьба их, быть может, устроится к лучшему, в чём и не ошибся, как увидим впоследствии. Предложил я об этом шаржедаферу³⁶, не согласился. Как двум молодым красивым дамам оставаться в сообществе холостых людей без того, чтобы не произошло никаких сердечных увлечений? В течение каких-нибудь трёх недель уже успели установиться очень прочные сердечные связи, а в продолжение года какой бы роман не мог разыгратись во всех своих циркумстанциях?

Шаржедафер, значит, имел резон не согласиться с моим предложением, тем более, что он хорошо понимал, что к моему состраданию примешивается страсть. Конечно, и вдова с её малолетнею дочкою возбуждала во мне живейшее сочувствие, но более всех мне больно было расстаться с её сестрою, которая всё ещё не переставала быть моим кумиром, хотя в этом несчастном событии я ясно видел перст Божий, разбивший нашу любовь, а им указывавший обратный путь в своё отечество. Но им самим, как я заметил, хотелось побыть у нас. Когда они изъявили своё желание, шаржедафер согласился беспрекословно. Но тут уже у них нашлось много ухаживателей. Все чиновники принимали участие в их горе, наперерыв старались оказывать им свои услуги, предупреждали их желания, а маленькую Сашу так все на руках носили. При такой обстановке скоро они забыли своё горе, увидели, что со стороны миссии они не только ничего не потеряли, а много выиграли. Все их жалеют и любят, все почитают, все за ними ухаживают. Почести вскружили им головы, стали они мечтать о себе и скоро зазнались, особенно когда и англичане стали позывать их на балы да на костюмированные маскарады. С переменной характера и героиня моего сердца утратила в глазах моих свою прелесть и мои симпатии. Не успели ещё мы переехать из Зергенде в Тегеран, а между нами всё уже было кончено. Весь наш роман продолжался не более месяца. К этому времени они уже начинали и песенки попевать и потанцовывать. За ними было кому ухаживать и кроме меня. Я оказывался лишним и нимало не жалел о том. Чем дольше гостили, тем больше мне не нравились наши гости. Вот уж и весна пришла, а они и не думают об отъезде, остаются на всё лето. В это время все уже успели перевлюбляться и в свою очередь разочароваться. Дело остановилось на том, что за старшей ухаживал шаржедафер, а за младшей – доктор. Вдовушка очень искусно повела дело и настолько привязала к себе сердечными узами шаржедафера, что он был у ней под башмаком, а она сделалась полновластною распорядительницей, делала, что ей угодно. Доктор также не без успеха вёл свою сердечную стратегию, но он предварительно сам был подстрелен и также находился в полном подчинении у своей героини. Никто из нас этому не удивлялся и никто не завидовал, потому что все уже сами прошли эти фазисы любви идеальной, ни к чему не ведущей, кроме мук и томлений сердечных. Вдовушке отказу не было ни в чём. Шаржедафер выхлопотал ей даже пенсию в тысячу рублей. Итак, пребывание в нашей миссии им очень пригодились; скоро забыли они всё своё горе и даже сделались счастливее, чем были. Настоящая судьба их была устроена, да и будущее не лишено было радужных надежд, которые и оправдались впоследствии. Вот уже и год к концу

близится, а им всё ещё не хочется уезжать от нас. Но приезжал новый посланник, и оставаться долее было уже невозможно. Перед самым приездом волей-неволей собрали свои пожитки и отправились. До самой границы их провожали трое наших чиновников, в том числе, кажется, и сам шаржедафер, хорошенько теперь не помню. Самих их не стало, но в Тегеране остались сердца, из которых никакое время не могло изгладить их прелестных образов. По приезде в Тегеран нового посланника шаржедаферу не к лицу уже была секретарская должность, он отозван был в Петербург и там занимался целый год в министерстве в ожидании соответственного его таланту и заслугам заграничного поста. Роман, начатый в Персии, мог, значит, идти своим чередом в Северной Пальмире и придти к желаемому концу. Развязка кончилась благословенным супружеством. Зиновьев послан был в Букарешт генеральным консулом, вызвал туда свою невесту и там обвенчались. Теперь живут да поживают отлично, не налюбят друг друга. В Тегеране как-то не дворит посланникам, редко кто из них заживется долго; при мне их сменилось до трёх. Последний, при мне приехавший, Бегер, пробыл лет пять и стал по болезни проситься в отставку. На его место назначили Зиновьева как весьма искусного дипломата и сведущего ориенталиста, который много лет пробыл в Персии, и нравы персидские и язык знал в совершенстве³⁷. Итак, Анна Богдановна опять в Тегеране, но уже не простой вдовушкой, а настоящей великосветской дамой, женой посланника. Кажется, что и сестре её посчастливилось: я слышал, что доктор Касторский женился; верно не знаю, но догадываюсь, что подруга его сердца и сделалась подругою жизни. Этому я могу только радоваться и усматривать во всём промысл Божий, пекущийся о сиротах и вдовицах.

С приездом нового посланника в 1869 году у меня с новой силою возобновилась страсть к лингвистике. Такая уж страстная натура. Если нет прекрасного пола, нечем увлекаться, так мы с жаром возьмёмся за такой предмет, как языкознание, и увлечёмся им до пристрастия, до одурения, до изнеможения сил физических, до того, что им только и будем заниматься, ни в уме, ни в сердце нашем не останется уже места никаким другим привязанностям. Ему, этому излюбленному предмету, хотя бы он заключался в одних только книгах и не имел для нас никакого практического значения, ему наше время, ему наши силы, ему наши труды, ему наши деньги, всё ему. Не кумир ли это своего рода? А с таким именно увлечением, за неимением ничего лучшего, я занялся языком греческим и провозился с ним целых два года. Тут уж я решительно не имел никакого учителя, а до всего доходил сам. Можете себе представить, что это за египетская была работа³⁸. Чего стоило мне выписывать все книги за такую даль? В свежей памяти были ещё прежние опыты по языкознанию; с таким же жаром я попробовал уже учиться по-французски и по-персидски, от них у меня сильно шумело в голове, а в результате что? Неуменье говорить ни на котором, потеря времени, перевод денег. И надобно бы вразумиться этим примером, вовремя остановиться, заняться чем-нибудь более полезным. Так нет же. По целым дням сижу над греческими грамматиками и хрестоматиями, над этими неправильными глаголами и их аористами, поминутно заглядываю в лексиконы, всю Библию от доски до доски прочёл таким манером. Предыдущим блаженной памяти языкам я посвятил по одному году, а этому украшению эллинов ради его классицизма целых два года – всё последнее время моего пребывания в Персии, семидесятый и семьдесят первый год. Впрочем, не одна страсть руководила моим филэллинством³⁹, были и практические резоны, разумные. Так как в Тегеране всем было хорошо, а только не мне, всем сестрам по серьгам, а мне ничего, все чиновники получили уже по несколько наград, а я за шестилетнюю службу за границей имел только ещё наперсный крест, исхodataйствованный мне Гирсом за обучение его детей, то я и пришёл к тому заключению, что, видно, мне служба не мать, а мачеха, а с мачехой не грех и расстаться. Наступил семьдесят первый год, и я подал в отставку. Намерение моё было не в отечество возвратиться – возвращаться было не с чем, заслужил-то очень мало, а попутешествовать по Востоку, побывать в Иерусалиме, а между тем не выпадет ли настоятельное место в

Константинополе или в Афинах, или в этом святом граде. А если это не удастся, то удалиться от моря житейского, обуреваемого волнами напастей и искушений, в тихое пристанище горы Афона и там провести остаток дней своих праведно и целомудренно для приуготовления себя к блаженной вечности. Этим благим мыслям много способствовали аскетические творения преосвященного Игнатия, которые не преминул выписать сейчас же по выходе в свет и прочёл с большим интересом все пять томов. Эти творения и сочинения Феофана Тамбовского, помещаемые в “Домашней беседе”, произвели на меня глубокое впечатление, снова возбудили во мне любовь к пустынной жизни, к подвигам аскетическим, которая и без того никогда не угасала в моём сердце. Одним словом, при посольстве или на Афоне, где бы то ни было, только я решился вековать на Востоке, а для этого нужен был греческий язык: вот я и корпел над ним, да ведь как корпел! Ажно голова в круги пойдёт и в глазах зарябит. В Персии в эту эпоху были времена тяжёлые, бедственные. Начиная с 67-го года, холера посещала по осеням ежегодно и с году на год усиливалась. А последний год моего пребывания, 71-ый, был ужасен. Тут все бедствия обрушились на бедную нацию: прежде засуха сильная, потом неурожай, потом холера свирепее прежней, потом голод, потом мор от голоду и от болезней. И эти ужасы совершались повсеместно по всем городам и селениям. Говорили, что в этот год целая четверть народонаселения вымерла в Персии. В Тегеране мёртвые валялись по улицам и некому было прибрать их. Поедешь, бывало, кататься, и то и дело встречаешься с этими жертвами голода. Одни ещё борются с голодом, протягивают руку за помощью, другие, разинувши рот, томятся в смертной агонии, третьи только что умерли, а четвёртые давно уже валяются мёртвыми, но недостаёт рук, чтобы взять их и свалить в одну общую могилу. Хорошо, если христианин проходит мимо этих несчастных, он поможет им, сколько может, а если мусульманин, то не жди никакой помощи, пройдёт и горя мало. Несчастные так уже привыкли к этому, что они и не обращаются с просьбой к мусульманам, а к одним христианам. Страх Божий живёт в сердце христианина и не даёт ему с умирающим ближним поступить бесчеловечно. В этом осязательное превосходство и торжество христианской религии пред всеми другими.

Просьбу об увольнении от службы и за границу на два года я подал на имя экзарха, обходя миссию. Эта ошибка была причиною, что дело моё затянулось на целый год. Прошение долго пролежало без всякого движения, потом запрос в миссию, нет ли препятствий к увольнению; далее долго не могли мне найти преемника в Закавказском крае. По приискании преемника представление об нас обоих в Святейший Синод; а в Синоде таких дел тьма-тьмушая, когда-то дойдёт до нашего очередь. Всё это вместе взяло без малого год. Указ об увольнении меня от службы получен в Тегеране 26 ноября 1871 года. Значит, долее мне нечего было и оставаться в миссии. Но мне сказали, что до приезда преемника и до сдачи мною должности я не могу оставить службы. Я преспокойно и стал ожидать отца Онуфрия в полной уверенности, что жалованье буду получать по-прежнему. Между тем и у него дело затянулось в дальний ящик. Определение его на службу последовало ещё в сентябре 71-го, а выехал он из Тифлиса только в марте месяце. Такая проволочка произошла от продолжительной переписки насчёт проездных денег. Жду я о. Онуфрия месяц, жду два, жду четыре месяца, а его всё нет как нет. За 71-й год рассчитали меня жалованьем, как следует, а за 72-й не дают, да и только на том основании, что эти деньги следуют якобы о. Онуфрию. И увольнять из миссии не увольняют, и жалованья не дают, что за напасть такая! О, когда бы поскорее удрать из этого нелюбезного общества, из этой несчастной Персии! Наконец, желанный о. Онуфрий приехал в половине мая, я рад был ему как посланнику неба; сдал ему должность и сейчас же стал готовиться к отъезду, а жалованья мне за три месяца с половиною всё-таки не дают. За месяц пред тем посланник наш выехал в Петербург в отпуск, а поверенным в делах остался старший секретарь. Наконец перед самым отъездом я напомнил шаржедаферу, что о. Онуфрий получил заграничный паспорт только 7 марта. В этом и состоял весь вопрос. Я уже готов был садиться на лошадь, как меня приглашают в

канцелярию за получкой. Рассчитали меня по 7-е марта, дали курьерскую дачу в 208 червонцев, да своих было до 250, всего до 500 червонцев скопилось. С этим небольшим капиталом, но с твердой надеждой на Бога, в веселом расположении духа, с перспективой впереди двухлетнего приятного странствования по святым местам Востока, я выехал из Тегерана в сопровождении одного гуляма при одной вьючной лошади 28-го мая 1872 года.

¹ Студії і матеріали з історії Волині. 2009 / Ред. випуску В. Собчук. – Кременець, 2009. – С. 262–392. За згодою Н. Ю. Пушкар, яка готувала пам'ятку до друку, ми подаємо в цьому номері 2 глави автобіографічних записок ігумена Почаївської лаври Антонія, присвячені Ірану, щоб привернути увагу сходознавців до цього маловідомого джерела. – *Прим. ред.*

² Російський дипломат Микола Карлович Гірс (1820–1895).

³ Так у рукописі.

⁴ Офіційна назва Єревана з 1828 до 1936 р.

⁵ Місто в Азербайджані.

⁶ Озеро Севан у Вірменії на висоті 1903 м глибиною до 86 метрів, з яким церковний переказ пов'язує сорок мучеників, що постраждали за свою віру під час переслідування християн римським імператором Діоклетіаном (284–305), який у 298–299 рр. відвоював Вірменію у персів.

⁷ Севанський монастир, присвячений пам'яті 40-ка мучеників, архітектурний комплекс IV ст.

⁸ Ріка на Кавказі, на кордоні Вірменії з Туреччиною та Іраном.

⁹ Мусульманська почесна варта, наділена нижчою поліцейською владою.

¹⁰ Перекладач при європейських дипломатичних представництвах у країнах Сходу.

¹¹ Іранська шляхова міра (6,7 км).

¹² Чиновник (секретар) посольства.

¹³ Місто на заході Ірану.

¹⁴ Російський дипломат і письменник Олександр Грибоєдов (1795–1829), посол у Персії, убитий 1829 р. місцевими фанатами.

¹⁵ Перська династія, яка правила з 1796 до 1925 р.

¹⁶ Мова йде про четвертого халіфа Арабського халіфату (656–661), двоюрідного брата і зятя Мухаммеда.

¹⁷ Рядові регулярних військ у Персії.

¹⁸ Задоволення, насолода від чого-небудь, безтурботний, приємний відпочинок (*араб.*).

¹⁹ Вояк.

²⁰ Прохід між якимись перепонами (*франц.*).

²¹ Річка Кизилузен у нижній течії.

²² Воїн з особистої охорони, слуга.

²³ Дружина халіфа Алі, культ якої поширений серед шіїтів.

²⁴ Дрібний чиновник у країнах Сходу.

²⁵ Негр, чорношкірий.

²⁶ Народне видовище.

²⁷ Заміжня жінка.

²⁸ Вагова одиниця в країнах Середнього Сходу.

²⁹ Людина, яка приймає нову віру (*грецьк.*).

³⁰ Мова персів, яка має в Ірані статус офіційної.

³¹ Красномовство (*латин.*).

³² Дві скелі обабіч Гібралтарської протоки, які, за уявленнями стародавніх греків, розташовувалися на краю світу і увічнювали подвиги Геракла.

³³ До крайніх меж (*латин.*).

³⁴ Поступове збільшення сили звуку (*итал.*); тут: наростаючи.

³⁵ Зменш. від слова “бурнус”, що означає “просторе жіноче пальто з широкими рукавами”.

³⁶ Секретар посольства.

³⁷ Мова йде про російського дипломата Івана Олексійовича Зінов'єва, випускника московського Лазаревського інституту східних мов, який 1876 р. став надзвичайним посланником при персидському шахові.

³⁸ Важка рабська праця.

³⁹ Любов до Еллади (Греції).